

Профессор Станислав Гайда и жанры речи

ВАДИМ В. ДЕМЕНТЬЕВ
(Саратов)

Последние три десятилетия имя профессора Станислава Гайды, понятие речевого жанра, изучение речевых жанров (или польская *genologia*) переплелись очень тесно.

Кроме собственно жанроведческих работ Ст. Гайды (например, Гайда 1986; 1999; Gajda 1991) жанрам речи был посвящен отдельный выпуск редактируемого им многоязычного ежегодника «Стилистика» (1999); статьи по этой теме неоднократно были и в последующих выпусках «Стилистики». (С другой стороны, не могу не отметить, что все эти годы Ст. Гайда поддерживал отношения с Саратовским жанроведением, в упомянутом выпуске «Стилистики», посвященном жанрам речи, мы с К. Ф. Седовым опубликовали одну из первых наших принципиальных статей по жанрам (Дементьев, Седов 1999); как редактор, Ст. Гайда разрешал помещать в саратовском сборнике/журнале «Жанры речи» переводы статей о жанрах из «Стилистики»; наконец, в 2001 дал развернутый и теплый отзыв на мою докторскую диссертацию по жанрам.)

При этом кажется показательным направление, в котором, насколько могу судить, развивались жанроведческие идеи Ст. Гайды: начав от осмысления идей М. М. Бахтина в уже далеких 1980-х гг., когда и в Польше, и в России мало кто по-настоящему занимался жанрами речи, он дает определение РЖ: «горизонт ожидания для слушающих и модель построения для говорящих» (Гайда 1986: 24), сотрудничает с Пермской стилистической школой (и в ее составе – школой изучения устной научной

речи, для которой, конечно же, было особенно естественно обращение к вторичным жанрам и с которой на этой же почве сотрудничал Владимир Барнет).

Впоследствии Ст. Гайда приходит к осмыслению гораздо более общих, «вечных» вопросов языка и речи и их истории, структуры текста (как устного, так и письменного научного и публицистического), интертекстуальности, а представление о месте вторичных РЖ в научном стиле распространяет на «текст вообще», «стилистику вообще», «речь вообще».

В этой связи представляется вполне закономерным, что осмысление разной возможной природы вторичных РЖ (как и «речежанровой вторичности» в целом), связи вторичных РЖ со стилем, сферой использования языка, историей языка, интертекстуальностью у Ст. Гайды обретает статус самостоятельной, причем весьма важной для общей теории языка проблемы.

Опыт этих исследований Ст. Гайды 1990-х гг. был представлен в концептуальной статье *Жанры разговорных высказываний* (Gajda 1991), русский перевод которой был опубликован во втором выпуске «Жанров речи» (Гайда 1999), а предлагаемая в этой статье классификация первичных и вторичных РЖ и их подтипов с тех пор прочно вошла в число наиболее авторитетных и часто цитируемых речежанровых типологий, наряду с типологиями таких известных жанроведов, как А. Г. Баранов, Т. Добжиньска, К. А. Долинин, К. Ф. Седов, М. Ю. Федосюк.

В классификации Ст. Гайды противопоставлены, с одной стороны, «примарные» и «секундарные» жанры, с другой – «простые» и «сложные» жанры. И те, и другие восходят к противопоставлению бахтинских первичных и вторичных жанров, но с разных сторон:

Жанры простые и сложные. Основой для такого деления может быть теория речевых актов Остина-Серля. Простые жанры – это, говоря вообще, типы иллокутивных актов, называемые при помощи отглагольных существительных, значение которых определяет речевое действие, например, *угроза, отказ, присяга, вопрос, клятва, приглашение* и т. д. Сложный жанр – это типизированная последовательность речевых актов, структура которого имеет относительно конвенциональный характер. Здесь обычно имеют дело с группой неоднородных актов, каждый из которых в глобальной деятельности имеет свои функцию и место, например, приветствие в разговоре. Такая последовательность (например, разговор, письмо) в целом может выполнять роль, присущую простому жанру (ср. письмо как инструкция или предостережение). Отношения между отдельными актами высказываний в макроакте могут складываться по-разному, например,

отношения подчинения, даже облигаторное вынуждение появления очередного акта (поздравления и благодарность).

Жанры первичные и вторичные. Первые актуализируются в текстах, которые рождаются в коммуникативных условиях «лицо-в-лицо» и непосредственно отнесены к «Я – Здесь – Сейчас» говорящего. Сюда относятся как простые жанры (вопрос), так и сложные (разговор). Вторичные (производные) жанры появляются в условиях высоко развитой культурной коммуникации и являются дериватами от первичных жанров. К таким производным жанрам относятся, например, бытовое письмо, дневник, дискуссия. Вторичные разговорные жанры могут быть основой для дальнейших преобразований (ср. письмо как основа научной статьи) (Гайда 1999: 110).

И модель вторичного РЖ Ст. Гайды, и другие названные здесь модели и классификации в высокой степени востребованы в практической работе с речевым материалом, т. е. в лингвистических исследованиях жанров речи, причем сейчас, спустя 15–20 лет, эта востребованность становится больше. Конечно, при изучении вторичных РЖ наиболее принципиальными оказываются такие вопросы, как методика исследования вторичных РЖ, способы выявления речежанровой вторичности, определения, в каких случаях мы имеем новый жанр, в каких – вариант, инновацию старого. Соответственно при изучении вторичных РЖ, и прежде всего – при сопоставлении вторичных РЖ с соответствующими первичными, на первый план выходит компонентная модель, набор параметров, особенно значимых для сопоставления.

Такой подход позволяет точнее понять целый ряд речежанровых явлений начала XXI в., например *интернет-жанры*, появление которых, казалось бы, никак не мог предвидеть Бахтин (Рогачева 2011; Щурина 2012).

С одной стороны, жанрами интернет-общения сегодня пользуются миллионы людей разных возрастов, социальных и профессиональных групп. Почти каждое уважающее себя СМИ сегодня имеет не только интернет-версию, но и специальные разделы *блогов* и (иногда) *форумов*; *форумами* обзаводятся и крупные, особенно транснациональные компании (например по производству оргтехники и системного оборудования). Компьютеризация, развитие интернет-коммуникации, с присущими ей скоростью и интенсивностью общения, резко увеличивают скорость и интенсивность инноваций, включая жанровые. Имеется в виду не только распространение собственно интернет-жанров (*блоги* и т. д.), но и то, что они влияют на неинтернет-коммуникацию – ср. широкое использование за пределами интернет-коммуникации специфических «интернет-лексем» (*смайлик, лайк, троллинг, спам, игнор, баян, бот, кламенты, френдЫ*), перенесение «на неинтернет» правил интернет-игр (*флешмоб, френдлента, баттхёрт*). Все это иногда приводит к появлению полноценных синтетических жанров (таких, например, как роман Б. Акунина *Квест*, где повествование постоянно прерывается тестовыми

вопросами с последующими отсылками к разным страницам; произведение читается с начала и с конца («книга-перевертыш») и имеет несколько вариантов и сюжета, и финала; иллюстрации к роману названы «*скриншотами*» и т. д.), а также возрастание в коммуникации роли гипертекстовости в самом широком смысле (см. об этом Kitzmann 2006).

С другой стороны, данная коммуникативная сфера и, соответственно, данные жанры складываются и формируются буквально на наших глазах, при этом многие из них развиваются на основе уже существующих, известных, неинтернет-жанров. Все это делает возможным хотя бы начальное диахроническое исследование, где теоретической основой для осмысления и систематизации таких новых явлений, как уже было сказано, может выступать понятие *вторичного РЖ*, а методической – сравнение исследуемого РЖ с тем, который, предположительно, является по отношению к нему первичным.

Следует подчеркнуть, что в названной классификации Ст. Гайды, где выделяются «примарные» ~ «секундарные» и «простые» ~ «сложные» жанры, фактически намечены основания для противопоставления диахронической и синхронической речежанровой вторичности, которое стало актуально уже в начале XXI в., прежде всего, в исследованиях именно вторичных интернет-жанров. Обзор новейших классификаций см. в кандидатской диссертации Н. Б. Рогачевой (Рогачева 2011): *диахроническая речежанровая вторичность* предполагает отношения последовательности во времени между первичными и вторичными жанрами (противопоставление *речевых* и *риторических*, *прямых* и *косвенных*, *выучиваемых* и *невыучиваемых* жанров); *синхроническая речежанровая вторичность* – противопоставление речевых единиц разных уровней абстракции, таких как, например, *речевой акт*, *субжанр*, *жанр*, *гипержанр*.

Думается, что проблема соотношения первичных и вторичных РЖ может успешно решаться на основе модели, где пары «первичный РЖ ~ вторичный РЖ» сопоставляются по ряду значимых для них параметров. Естественно, для данной цели необходимо, прежде всего, для каждого рассматриваемого вторичного РЖ «подобрать пару» – соответствующий ему первичный РЖ, что, понятно, далеко не всегда просто. Это вновь возвращает нас к интернет-жанрам, где отношения речежанровой вторичности гораздо более очевидны уже в силу кратковременности данного явления.

Многие широко распространенные модели анализа РЖ компонентного типа (см. обзор в Дементьев 2010: 103–123) при обращении к интернет-жанрам подвергаются более или менее существенным трансформациям. Так, по мнению С. Херринг (Herring 2007), «виртуальному жанроведению»

при анализе материала необходимую гибкость может обеспечить не собственно речеганровый, а более детальный «аспектный подход» (основы которого были разработаны в библиотековедении и информатике). Общее число параметров, которые Херринг включает в свою модель, превышает 40: это как технологические, так и собственно коммуникативные параметры, в том числе – очень важные отношения производности, существующие между различными интернет- и неинтернет-жанрами (Herring 2007). Последователи Херринг успешно изучают отношения производности в интернет-жанрах (Горошко 2011; Рогачева 2011; Щипцина 2011; Щурина 2012). В этих исследованиях значимые моменты структурной организации интернет-жанров, как вторичных РЖ, сопоставляются с неинтернет-жанрами (в том числе количественно): *чат* – с общими характеристиками разговорной речи (где организующим центром является жанр *бытового разговора*); *форум* – с *дискуссией*. Несколько более сложным явлением в этом отношении выступает *блог*, который, с одной стороны, не имеет какого-то одного непосредственного предшественника среди неинтернет-жанров («для блога в истории человечества жанрового аналога нет» (Кронгауз 2009: 164)), с другой – обнаруживает явную близость сразу с несколькими жанрами (публицистическая статья, традиционный / «бумажный» дневник, личное письмо). Например, в кандидатской диссертации Н. Б. Рогачевой *блог* сравнивается с *обычным дневником* и *частным письмом* по следующим параметрам: 1) наличие элементов диалогичности (в традиционном дневнике – лишь «диалог с самим собой», в письмах и блогах – многочисленные обращения, апеллятивные маркеры); 2) репертуар используемых жанров / субжанров; 3) использование сокращенного или развернутого кода; 4) тематическое разнообразие и характер связей между темами (особенно показательны «Я-тема» и «МЫ-тема» и их соотношение); 5) степень креативности (проявляется, например, в языковой игре, иронии, аллюзиях на прецедентные феномены и т. п.) или стереотипности текста:

	Обычный дневник	Частное письмо	Блог (пост)
Элементы диалогичности	Нет (лишь элементы псевдодиалогичности)	Есть (адресат – конкретное лицо)	Есть (адресат – массовый; в редких случаях – конкретное лицо; есть случаи псевдоадресации)

	Обычный дневник	Частное письмо	Блог (пост)
Используемые жанры (субжанры)	Жанровая монотонность	Разнообразие жанров; значительное число жанров, ориентированных на адресата	Разнообразие жанров; жанров, ориентированных на адресата, много, но меньше, чем в письме (отсутствует жанр выражения сочувствия)
Соотношение Я-, ТЫ- и МЫ-тем	Я-тема преобладает, ТЫ-тема отсутствует, МЫ (ТЫ + Я)-тема отсутствует	Есть тенденция к уравновешиванию Я- и ТЫ-темы; «МЫ»-инклюзивное затрагивается при сбоях в коммуникации (эксклюзивное может быть сколько угодно)	Преобладает Я-тема, однако представлена и МЫ-тема
Использование сокращенного или развернутого кода; наличие смысловых лакун	Высокая степень лакунарности, значимые факты могут просто констатироваться	Степень лакунарности гораздо меньше; значимые факты сопровождаются авторской оценкой	Есть стремление к снижению лакунарности (непонятные места сопровождаются авторским комментарием); возможны записи «для своих», содержащие парольные фразы
Характер связи между темами, наличие маркеров смены тем	Связь ассоциативная, специальных маркеров практически нет	Темы располагаются в достаточно строгом порядке; есть специальные маркеры	Ассоциативная связь, но есть маркеры смены тем
Степень креативности / стереотипности	Низкая степень креативности	Преобладает стереотипность, но с элементами креативности	Высокая степень креативности

Для жанра *чата* первичными являются, по всей видимости, не дневник и частное письмо, как в случае блога, а жанры неофициального непосредственного общения (*гипержанр разговор*).

В этой связи уместно вспомнить, что А. А. Зализняк (Зализняк 2010) уделяет много внимания соотношению *сетевого* и *обычного дневника*, в том числе со стороны формальной и (особенно) содержательной структуры, при этом определяет место *дневника* в ряду вторичных речевых жанров: *дарственная надпись, адрес на конверте, эпитафия, девичий альбом, лирика, поздравительный адрес, псалом* (уникальность жанра *дневника* обуславливается сосуществованием двух адресатов – прямого и косвенного: «дневник пишется как будто исключительно для себя

и поэтому без рисовки, но одновременно именно это и оказывается интересно другим – тем, кем он, возможно, будет прочитан» (Зализняк 2010: 165)). Однако А. А. Зализняк не использует бахтинского понятия вторичного РЖ для сопоставления названных типов дневников, *собственно дневника и блога*.

По мнению некоторых исследователей, например Е. И. Горошко (Горошко 2011), в последнее время механизм формирования жанров интернет-общения претерпел определенные изменения, а именно: перешел от трансформации классических «бумажных» жанров (дневник → блог → электронная почта / чат) к конвергентному принципу формирования «новых интернет-жанров 2.0».

Вернемся, однако, к идеям Ст. Гайды, точнее – к дальнейшей эволюции взглядов ученого на проблемы речевых жанров в целом и вторичных речевых жанров в частности. Данная эволюция, как представляется, обусловлена уже названным широким лингвистическим и культурологическим контекстом – и, безусловно, огромной личной научной эрудицией Ст. Гайды, причем не только в области стилистики и не только в области лингвистики.

Как представляется, в 2000-е и 2010-е гг. на эти взгляды накладываются, с одной стороны, давняя идея Ст. Гайды о «гуманистическом стиле» (Gajda 1982), с другой – такая относительно новая для него проблема, как национальное измерение стиля и жанра.

Этим проблемам, в частности, посвящена одна из новейших концептуальных статей Ст. Гайды *Национальный стиль как стилистическая категория* в «Стилистике» 2012 г. (Gajda 2012).

По мнению Ст. Гайды, понятие «национального стиля» сейчас оказалось на пересечении, по крайней мере, трех очень актуальных и при этом очень разных (даже противоположных) тенденций:

- само понятие «стиль»: исследователь показывает, как от старого риторического понимания стиля (различные «фигуры») наука дошла до драматических противоречий, в частности, в современных гуманитарных науках данное понятие постоянно обвиняли в нестрогости и хаотичности, неоднократно «хоронили» – естественно, безуспешно;
- понятие «национальный»: от «духа народа» у немецких романтиков (подчеркивается, что «дух народа» включал и язык, и словесное творчество, «красоту» и «красоту текста», национальную традицию и индивидуальность творца) до неогумбольдтианства и нынешней пресловутой «толерантности»;
- современная лингвистика в целом, где вопросы о месте и роли стиля в лингвистике смыкаются с особенно актуальными в настоящее время вопросами о природе, структуре

и месте национальной языковой картины мира: подчеркивается, что все они относятся к наиболее дискуссионным в современной лингвистике, даже драматичным, будучи неразрывно связаны в ней друг с другом, а также со спорами о дуализме и монизме, холицизме и редукционизме.

В этом отношении одну из главных проблем лингвистики (и XIX в., и современной) Гайда видит в том, что она все еще не может (хотя пытается) принять стиль в этом втором, «гумбольдтовском» понимании (что язык существует в текстах, в т.ч. – прекрасных), а не в античном (стиль как «фигуры»). В составе лингвистики стилистика еще с XVIII в. (хотя термин *стилистика* появляется лишь в 1930-е гг.) не смогла уйти от антично-риторической теории и терминологии, в значительной степени такое положение вещей сохраняется до сих пор, тогда как именно новое время делает востребованным понятие стиля как *идеи*.

К нерешенным (и в настоящей парадигме, видимо, неразрешимым) проблемам современных гуманитарных наук относится и определение «национального», включая «дух». Ст. Гайда подчеркивает новое звучание традиционного противоречия в определении «национального» между объективным (через экономику, историю) и субъективным (самоопределение, ощущение себя – опять-таки *в стиле*): старая (так сказать, «англосаксонская») идеология понимала национальность через капиталистические условия производства, новая же идеология (идеология глобализма?) не смогла предложить взамен ничего принципиально нового.

Переходя к конкретным теоретическим и методологическим предложениям, Ст. Гайда разрабатывает стройную типологическую модель, определяя место *стиля* (и конкретной стилистической школы) через оппозиции, на пересечениях координат:

- личное ~ надличное;
- конкретное ~ абстрактное;
- системное ~ несистемное;
- свобода ~ норма;
- редукционизм ~ холицизм.

Такой формализованный подход помогает ответить на вопросы: стиль – это:

- индивидуальное ~ социальное (как язык)?
- конкретное (речь) ~ абстрактное?
- нарушение правил (норм, в т.ч. грамматики) ~ соблюдение (каких-то: своих?) норм?

Оппозитивно и общее определение стиля по Гайде:

- стиль – от СРЕДСТВ (отсюда: стилистика – типы средств);
- тип стиля – стилистика типов.

Обобщая, Гайда выделяет три главных признака «национального стиля»:

- связь с коммуникацией и социальным началом в целом;
- (все-таки) надличностный характер;
- место существования – в тексте / текстах.

Переходя к конкретным задачам и методам лингвистической науки (точнее стилистики), Гайда противопоставляет два понимания национального стиля:

- через специализированные средства (в национальном языке), которые прямо выражают определенную стилистическую окраску (или идею);

- через некую общую «стилеобразующую идею», организующую множество текстов (это уже гораздо сложнее: переплетение множества когнитивных вещей, категорий).

Отсюда естественный вопрос в свете новых задач, стоящих перед стилистикой: какие тексты надо привлекать для анализа: специально посвященные данной идее («стилеобразующей»): тексты конституций, публицистические аналитические статьи о нациях/этносах/странах – или ЛЮБЫЕ? А отсюда – принципиально разные подходы и типы исследований, и цели, и материал, и методы, и результаты; отсюда – и классификация направлений лингвистики/лингвостилистики (что может быть полезно, например, нам, занимающимся – с разных сторон – проявлениями этого национального стиля).

Следует подчеркнуть, что разрабатываемая Ст. Гайдой оппозитивная, или компонентная, модель стиля является в высокой степени значимой для обсуждаемой здесь теории вторичных РЖ. Именно стиль создает вторичный РЖ согласно Бахтину (точнее – вторичный РЖ порождают различные социальные и идеологические вариации «сферы», «стилистика обработка» высказывания (Бахтин 1996: 161–170)); значимым является также понятие «переакцентуации» Бахтина: «речевые жанры вообще довольно легко поддаются переакцентуации, печальное можно сделать шутивно-веселым, но в результате получается нечто новое (например, жанр шутивной эпитафии)» (Бахтин 1996: 192), а также идея о выстраивании цепочки «первичный жанр – переакцентуация – вторичный РЖ» (Бахтин 1996: 192).

Интересные соображения о соотношении первичных и вторичных РЖ как совпадающих по параметру интенции и различающихся по параметру стиля высказывает Н. В. Орлова:

Объективным критерием общности интенций говорящих в разных ситуациях общения является возможность описать их высказывания одним и тем же речевым словом. Так, одинаковое обозначение получает *признание в суде* и *признание в любви*; *исповедь в церкви*, *исповедь*, адресованная близкому человеку, и *исповедь* как популярный ныне жанр публицистики. [...] В то же время нередко разные речевые слова описывают одни и те же речевые действия. Например, *высказать гипотезу* и *распространить слух* значит предъявить непроверенную информацию. Ср. также бытовую *угрозу* и *ультиматум*, *просьбу* и *ходатайство*, речевые действия, выражаемые глаголами «*порицать*» и «*ругать*». Очевидно, что слова в парах различаются лишь стилистической маркированностью одного из них, а описываемые ими высказывания (тексты) соответствуют понятиям первичного и вторичного жанров М. М. Бахтина (Орлова 1997: 51–52).

Ст. Гайда, как и М. М. Бахтин, исходит из того, что новая сфера общения всегда порождает вторичные РЖ. В то же время многочисленные

речежанровые инновации новейшего времени и их лингвистическое осмысление приводят к мысли, что меняется скорее общий культурный фон, на котором люди используют речь с определенными целями. По-видимому, исторически изменение какого-то из компонентов фона (межличностные отношения (близость, статус), канал связи) всегда приводит к изменениям жанра; но правила нового жанра непременно охватывают и другие аспекты речи (как, например, произошло со *светской беседой*, если сравнить ее с *болтовней* или *сплетнями*, или с жанрами виртуального общения (*блог, форум, чат*), если сравнить их с *перепиской, дневником, обменом записочками, наконец, дружеским разговором*). Важно, что любое изменение всегда не только что-то добавляет, но одновременно что-то ограничивает, порождает один или целую серию запретов. Меняться могут и более абстрактные вещи, например, само представление о межличностной близости, автономии и других правах и потребностях личности, уважении к собеседнику, допустимом и недопустимом в речи. Важным показателем является слово: наличие новой лексемы для именованья РЖ чаще свидетельствует о том, что возник новый жанр, чем наоборот. Старое слово может использоваться для именованья нового жанра как метафора (см. в Дементьев 2013 о контекстах с прямым и переносным значением *по душам*). Много информации в этом плане предоставляют нам историко-культурные и этимологические данные.

Эти общие вопросы культурного фона, сферы использования и трансформаций жанров, а в сущности – стилистической обработки и стиля – вновь выводят на первый план в исследованиях вторичных РЖ разных типов жанроведческие и стилистические идеи Ст. Гайды.

*

Резюмирую. Профессор Станислав Гайда сделал для осмысления вторичных речевых жанров очень много. Во многом благодаря ему столь активно и успешно развивается сегодняшнее изучение вторичных речевых жанров, которое уже стало одним из наиболее приоритетных направлений ТРЖ в целом. Этому способствуют как тенденции в собственно лингвистической науке, так и очень значительные перемены в коммуникативно-речевом пространстве, «живой жизни», такие как смена базовой идеологии в немаленьком числе стран, прежде всего Восточной Европы, появление целого ряда новых сфер «техногенно опосредованной» комму-

никации, IT-технологий, а значит – большого количества новых вторичных жанров.

Литература

- Баранов А. Г., 1997, *Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности*, «Жанры речи», вып. 1, Саратов: Колледж, с. 4–12.
- Барнет Вл., 1985, *Проблемы изучения жанров устной научной речи. – Современная русская устная научная речь*, т. I, *Общие свойства и фонетические особенности*, Красноярск: изд-во Красноярского ун-та, с. 80–132.
- Бахтин М. М., 1996, *Проблема речевых жанров*. – М. М. Бахтин, *Собрание сочинений*, т. 5, *Работы 1940–1960 гг.*, с.159–206.
- Гайда Ст., 1986, *Проблемы жанра. – Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая организация*, Пермь: ПГУ, с. 22–28.
- Гайда Ст., 1999, *Жанры разговорных высказываний*, «Жанры речи», вып. 2, Саратов: Колледж, с. 103–112.
- Горошко Е. И., 2011, «*Чирикающий*» жанр 2.0 Твиттер или Что нового появилось в виртуальном жанроведении, «Вестник Тверского государственного университета», № 3, с. 11–21.
- Дементьев В. В., 1999, *Вторичные речевые жанры: онтология непрямой коммуникации*, «Жанры речи», вып. 2, Саратов: Колледж, с. 31–46.
- Дементьев В. В., 2010, *Теория речевых жанров*, Москва: Знак, 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).
- Дементьев В. В., 2013, *Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике*, Москва: Глобал Ком, 338 с. (Studia philologica).
- Дементьев В. В., Седов К.Ф., 1999, *Теория речевых жанров: социопрагматический аспект*, „Stylistyka”, VIII, Opole, s. 53–87.
- Долинин К. А., 1999, *Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия*, «Жанры речи», вып. 2, Саратов: Колледж.
- Зализняк А., 2010, *Из заметок о любительской лингвистике*, Москва, 240 с.
- Кронгауз М., 2009, *Публичная интимность*, «Знамя», № 12, с. 162–167.
- Орлова Н. В., 1997, *Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка». К вопросу о соотношении стиля и жанра*, «Жанры речи», вып. 1, Саратов: Колледж, с. 51–56.
- Рогачева Н. Б., 2011, *Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков)*, Дис. ... канд. филол. наук, Саратов, 257 с.

- Седов К. Ф., 2007, *Человек в жанровом пространстве современной коммуникации*. – *Антология речевых жанров: повседневная коммуникация*, Москва: Лабиринт, с. 7–38.
- Федосюк М. Ю., 1997, *Нерешенные вопросы теории речевых жанров*, «Вопросы языкознания», № 5, с. 102–120.
- Щипицина Л. Ю., 2011, *Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка)*, Автореф. дис. ... докт. филол. наук, Воронеж,
- Щурина Ю. В., 2012, *Вторичные комические речевые жанры интернет-коммуникации*. – *Коммуникация. Мышление. Личность*. Матер. междунар. науч. конференции, посвященной памяти профессоров И. Н. Горелова и К. Ф. Седова, Саратов: ИЦ Наука, с. 464–474.
- Dobrzyńska T., 1992, *Gatunki pierwotne i wtórne (Czytając Bachtina)*. – *Typy tekstów. Zbiór studiów*, red. T. Dobrzyńska, Warszawa, s. 75–80.
- Gajda S., 1982, *Podstawy badań stylistycznych nad językiem naukowym*, Warszawa–Wrocław, 188 s.
- Gajda S., 1991, *Gatunki wypowiedzi potocznych*. – *Język potoczny jako przedmiot badań językoznawczych*. Materiały konferencji z 18–20 X 1990 r. w Opolu, red. S. Gajda, Z. Adamiszyn, Opole, s. 67–74.
- Gajda S., 1995, *Styl i stylistyka. Zagadnienia ogólne. Przewodnik po stylistyce polskiej*, red. S. Gajda, Opole.
- Gajda S., 2012, *Styl narodowy jako kategoria stylistyczna*, „Stylistyka”, XXI, Opole, s. 7–18.
- Herring S.C., 2007, *A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse*, „Language@Internet”, No 4, Article 1, Retrieved April 26, 2009, from <http://www.languageatinternet.de/articles/2007/761>.
- Kitzmann A., 2006, *Hypertext handbook: the straight story*, N.Y.: Peter Lang, 121 p.

Professor Stanisław Gajda and speech genres

The article discusses the relevance of the ideas of Professor Stanisław Gajda for the modern theory of speech genres. The speech genre classifications by Gajda have been analyzed, as well as the evolution of his concepts and views, such as the concept of “humanistic style” and national-historical dimension of style and genre. The relevance of the ideas by Gajda for the modern study on secondary speech genres is due to significant changes in communicative speech space of Eastern Europe, the emergence of a number of new areas of “technologically mediated” communication, IT-technologies.

Keywords: *Stanisław Gajda, the theory of speech genres, secondary speech genres.*